

RU

«Штурмы» Капитолия в немецких интернет-СМИ как пример конфликтного политического дискурса

Соболев И. Д., Юдин Н. О.

Аннотация. Целью данного исследования является расширение пределов научного знания в области осмысления проблемы репрезентации острых политических событий средствами массовой информации как отражения их авторского восприятия, находящего выражение в языковом сознании и языковой картине мира. В статье приведен политолого-лингвистический анализ события «штурм Капитолия» с точки зрения его представления в текстах немецких интернет-СМИ. Научная новизна исследования состоит в том, что политика в данной работе рассматривается как речевая деятельность, а острая ситуация, каковой явился «штурм» Капитолия, исследована в данной работе с позиций ее историко-лингвистического представления, с учетом способности языка СМИ создавать желаемую политическую трактовку острых ситуаций, что отражает прагматику СМИ, способных рассказать о политических событиях одного порядка различным языком, создав предпосылки для общественного восприятия схожих явлений. Полученные результаты показали, что событие «штурм Капитолия», произошедшее 6 января 2021 года, описывается немецкими СМИ с использованием конфликтогенной лексики, лексических единиц, раскрывающих манифестацию и лингвопрагматику конфликта за счет прагматического потенциала языковых средств, отражающих содержательную сторону классической конфликтной риторики, а также тактику инвектива.

EN

“Storming” of the Capitol in German online media as an example of conflict political discourse

I. D. Sobolev, N. O. Yudin

Abstract. The research aims to expand the boundaries of scientific knowledge in the field of understanding the problem of representation of acute political events by the media as a reflection of their author’s perception, which finds expression in linguistic consciousness and linguistic worldview. The article provides a political and linguistic analysis of the event “storming the Capitol” from the point of view of its presentation in the texts of German online media. The scientific novelty of the study lies in the fact that politics in this work is considered as a speech activity, and the acute situation, which was the “storming of the Capitol”, is studied from the standpoint of its historical and linguistic representation, taking into account the ability of the language of the media to create the desired political interpretation of acute situations. This reflects the pragmatics of the media, capable of talking about similar political events in different ways, creating the prerequisites for the public perception of similar phenomena. The results obtained showed that the event of the “storming” of the Capitol, which took place on January 6, 2021, is described by German media using conflict-generating vocabulary, lexical units that reveal the manifestation and linguopragmatics of the conflict through the pragmatic potential of linguistic units that reflect the substantive side of classical conflict rhetoric, as well as the tactics of invective.

Введение

Актуальность исследования проблемы, связанной с анализом политического дискурса на примере отражения политических кризисных событий, получивших название «штурм Капитолия» в СМИ, определяется тем, что в последние годы данная форма дискурса заняла особое место в лингвистических и политологических исследованиях.

Научный интерес к данной проблеме обусловлен тем, что неотъемлемым элементом современного человеческого бытия является стремление к осмыслению прошлого и настоящего через призму политических

процессов, происходящих в мире. Полученное «знание» формирует у человека уверенность в том, что его взгляд на происходящее является адекватным и вполне отвечает мнению большинства, принадлежность к которому дает уверенность в правильности собственной жизни, в неоспоримости своей политической позиции и в том, что политическая реальность является логическим следствием воздействия большинства на общественно-политические процессы.

Такой взгляд на политику до недавнего времени был вполне обоснованным, однако современная политическая жизнь является весьма уязвимой в плане достижения общественно-политического согласия. Расхождения в политических интересах и, как следствие, возникающие политические конфликты различного уровня напряженности вышли на поверхность общественной жизни, что отражается в том числе и в современной речи.

В этой связи научный интерес вызывают проблемы формирования языковой картины мира, неразрывно связанной с лингвистическими особенностями политического дискурса, осмысление которого невозможно без знания той политической обстановки, в которой создан тот или иной текст, без внимания к идеологическим установкам политических сил и общественно-политической ситуации, в которой находилось (находится) общество в момент публикации текста. Сама же лингвистическая сторона проблемы формирования «политической картины мира» касается вопросов понимания глубинной сущности политических процессов, которая отражается в лексике и семантике текстов политической направленности.

Таким образом, актуальность данного исследования связана с тем, что лингвистические аспекты политической речи являются значимыми для понимания политических процессов, происходящих в различных странах и регионах мира.

Не является исключением и Федеративная Республика Германия (ФРГ). Немецкий политический язык как значимое общественно-коммуникативное явление существует столько же, сколько существует немецкая государственность, отражая процессы становления германской нации и политических перипетий, связанных с ее развитием; сложные политические аспекты исторического развития Германии; современный взгляд политика на события, происходящие в мире.

Современный немецкий язык, используемый в политическом дискурсе, активно входит и в язык немецкой прессы с тем, что в Германии, как и во всем мире, наблюдаются процессы политизации общества, вызванные повышением уровня жизни и активным участием населения в политической жизни государства.

Особым образом политические события отражаются в языке в моменты, когда события выходят из-под контроля, приобретают неуправляемый характер и характеризуются как «политический кризис».

Данные события являются предметом общественного интереса, своеобразно отражаются в прессе, которая предлагает свою оценку происходящего, а также его различные трактовки.

Особое внимание прессы привлекают события, определяющие политическую ситуацию в тех странах, которые образуют современные «центры силы», в частности, мировые СМИ, в том числе и в Германии, внимательно следят за политическими событиями в Соединенных Штатах Америки, поскольку две страны имеют общую идеологию, являются военно-политическими союзниками.

Задачами, стоящими в данном исследовании, является уточнение содержательных основ политического дискурса, а также политолого-лингвистический анализ политического события «штурм Капитолия» в дискуссионных практиках политических текстов немецких СМИ.

Выбор методов исследования определяется поставленной целью и теми задачами, которые необходимо решить. При решении задач, определенных в работе, использовались следующие подходы и методы исследования: подход Б. Монро и Ф. Шродта, доказывающий, что политический текст является артефактом политического поведения (Monroe, Schrodt, 2008); методы теоретического анализа использовались на этапе теоретического осмысления проблемы политизации современной картины мира и активного включения конфликтной политической лексики в язык современной прессы. Также на данном этапе применялся метод исторической ретроспекции для выяснения причин, повлекших за собой штурмы Капитолия. В процессе политолого-лингвистического анализа политического события «штурм Капитолия» в дискуссионных практиках политических текстов немецких СМИ использовался метод семантического анализа, позволивший рассмотреть метафорическое содержание текстов немецких интернет-изданий, посвященных исследуемому событию; также в процессе решения данной задачи нами применялись методы дискурс-анализа. В частности, методика критического исследования дискурса позволила определить комплекс лингвистических особенностей трактовки политического события «штурм Капитолия» немецкими СМИ, методика анализа способов применения ментальных схем дала возможность исследовать метафорическое содержание отдельных отрывков текста.

Материалом исследования были статьи, касающиеся исследуемого политического события, размещенные в сети Интернет, а именно:

- Hesse S. Wie der Sturm auf das US-Kapitol drei Jahre danach wahrgenommen wird // Tagesschau. 06.01.2024. <https://www.tagesschau.de/ausland/amerika/usa-trump-kapitolsturm-100.html>;
- Kapitol-Sturm: Ex-Anführer der "Proud Boys" muss 22 Jahre in Haft // Tagesschau. 06.09.2023. <https://www.tagesschau.de/ausland/amerika/proud-boys-anfuehrer-haft-100.htm>;
- Krause D. Waffenstillstand in Nahost gefordert: Hunderte Demonstranten dringen ins US-Kapitol ein – Festnahmen // Tagesspiegel. 19.10.2023. <https://www.tagesspiegel.de/internationales/waffenstillstand-in-nahost-gefordert-hunderte-demonstranten-dringen-ins-us-kapitol-ein--festnahmen-10649794.html>;
- Mayer-Rüth O., Siggelkow P. Warum pro-palästinensische Posts dominieren // Tagesschau. 23.11.2023. <https://www.tagesschau.de/faktenfinder/israel-hamas-social-media-100.html>;

- Meiritz A. Demonstranten strömen in US-Kapitol und fordern Waffenstillstand in Nahost // Handelsblatt. 19.10.2023. <https://www.handelsblatt.com/politik/international/usa-demonstranten-stroemen-in-us-kapitol-und-fordern-waffenstillstand-in-nahost/29454568.html>;
- Nach Sturm aufs Kapitol: Maas will mit USA „Marshallplan für Demokratie“ erarbeiten // Tagesspiegel. 10.01.2021. <https://www.tagesspiegel.de/politik/maas-will-mit-usa-marshallplan-fur-demokratie-erarbeiten-6167680.html>;
- Seewald B. Britisch-Amerikanischer Krieg: Wie das Weiße Haus weiß // Welt. 16.12.2021. <https://www.welt.de/geschichte/article181287630/Britisch-Amerikanischer-Krieg-Wie-das-Weiße-Haus-weiß-wurde.html>;
- Shilbayih M. A. Israelis und Palästinenser – Plädoyer für gute Nachbarschaft // Vereinte Nationen. 01.12.1980. <https://zeitschrift-vereinte-nationen.de/suche/zvn/artikel/israelis-und-palaestinenser-plaedoyer-fuer-gute-nachbarschaft>;
- Steinlein J. Wie kam es zum Sturm aufs Kapitol? // Tagesschau. 07.01.2021. <https://www.tagesschau.de/ausland/sturm-auf-kapitol-101.html>;
- Sturm auf das US-Kapitol // Die Zeit. <https://www.zeit.de/thema/sturm-auf-us-kapitol>;
- USA erklären Großbritannien den Krieg // Welt. 18.06.2018. <https://www.welt.de/geschichte/article177741674/19-Juni-1812-USA-erklaren-Grossbritannien-den-Krieg.html>.

Также при написании статьи использовали справочный материал, а именно:

- Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut, 2003;
- Gottstein P. Israel und das Palästinenserproblem im Schatten des Golfkrieges. 1991. <https://library.fes.de/gmh/main/pdf-files/gmh/1991/1991-03-a-159.pdf>.

Теоретической базой исследования послужили труды Н. Д. Арутюновой (1998), А. Н. Баранова (2001), Ю. И. Левина (1969), Ю. С. Степанова (Семиотика, 2001), В. Н. Телия (1986) в области семантики и семиотики, ставшие методологическим основанием данного исследования, а также труды Т. ван Дейка (1989), Р. Барта (1989), Дж. Филлипс и М. Йоргенсен (2004), М. Л. Макарова (2003), С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер (2009), М. И. Тарасова (2024) в области теории дискурса и дискурс-анализа, посвященные описанию проблем текстовой репрезентации различных модусов, формирующихся в пространстве человеческого бытия, отраженных в языковом сознании и транслируемых в языковых практиках с помощью лингвистических конструкций, имеющих как прямой, так и метафорический контекст. В данных исследованиях (в частности, в работе Т. ван Дейка (Dijk, Hacker, 2018)) мы находим мысль о том, что политика, а также индивидуальные политические предпочтения, политика государства и партии представляют себя через текст.

Кроме того, использовались работы таких авторов, как Н. И. Андреев (2012), А. Г. Большаков, Е. В. Храмова (2023), П. К. Иванов, П. А. Катышев (2023), Н. А. Трибунская (2022), Л. А. Чернышова, Е. О. Черникова (2024), Е. Н. Чивви, О. В. Терещенко (2022), в которых мы находим важные положения, касающиеся организации политической коммуникации, ее специфики с точки зрения субъективного состава, а также возможностей взаимодействия различных дискурсов в процессе политического взаимодействия.

Важным аспектом исследования явилось рассмотрение проблемы политического дискурса, что стало возможным благодаря трудам таких ученых, как Е. И. Шейгал (2000), Т. В. Забело (2012), В. В. Катермина (2016), Ф. Я. Хабибуллина, И. Г. Иванова (2016), в которых исследователи формируют представление о политическом дискурсе в контексте его манипулятивных возможностей, обращают внимание на то, что большинство данных текстов, отражающих политические процессы, при всей их информативности, все же имеют явно выраженный манипулятивный характер. Это является важнейшей особенностью современного политического дискурса, воплощенного в текстах различных средств массовой информации, так или иначе стремящихся к продвижению ангажированной политической повестки, выбирая сторону в политической борьбе, руководствуясь своими собственными, в основном корыстными, интересами.

В то же время отдельные аспекты проблемы, связанной с отражением политических событий в текстах современной западной прессы, остались не раскрытыми в научной литературе, в частности, представляет интерес проблема языкового отражения политического противостояния в США, которое выразилось в кризисных политических ситуациях, известных как «штурмы» Капитолия, в немецких интернет-изданиях.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов, связанных с особенностями языка современных СМИ. Полученные результаты также могут найти применение для дальнейшего рассмотрения проблем, связанных с политической лексикой, семиотикой и с политическим дискурсом в целом.

Обсуждение и результаты

Содержательные основы политического дискурса

Развитие современного языка, формирование современной «языковой картины мира» находится в тесной взаимосвязи с процессами общественного развития (социально-экономическими, политическими, культурными и т. д.), в результате чего происходит фрагментация дискурса, представляющего собой набор связанных высказываний, образующих некий текст и транслирующих определенные смыслы, постичь которые возможно при использовании осмысления содержания текста и тех скрытых смыслов, которые он в себе содержит. Каждый тип дискурса (научный, религиозный, деловой, политический, массово-информационный, юридический, педагогический и т. д. (Карасик, 2002)) отражает определенную сферу социального бытия, и именно множество

пространств, в которых в настоящее время существует личность, определяет множественный характер дискурсов, описывающих данные пространства, используя сходствующий лингвистический аппарат.

Как уже было сказано выше, важнейшим элементом современного человеческого бытия является политика, в которую так или иначе погружен каждый, в результате чего политический дискурс становится одним из доминирующих в современном обществе.

В последние годы в связи с общемировой политической нестабильностью внимание исследователей все больше привлекает «политический дискурс», который рассматривается с различных позиций. Наиболее часто встречаемой трактовкой является та, которая определяет политический дискурс как набор текстов политического содержания, для которых характерна особая форма организации подачи информации, лексика и семантика. Именно с этих позиций политический дискурс осмысливается как языковое явление.

Существует также и мнение, что политический дискурс возможно рассматривать как выражение индивидуальности политика, являющегося автором неких политических текстов (Будаев, 2011). Такой подход является достаточно «узким» и предполагает исследование не общественно-политического дискурса, но дискурса «авторского», что тем не менее имеет смысл, когда речь идет об исследованиях, касающихся политических взглядов и литературных способностей отдельных политиков.

Следующей научной трактовкой, которая относится в большей степени к прагматике политического дискурса, является та, которая основана на осмыслении научного дискурса в контексте его роли в трансляции неких идей, программ, идеологических установок, лозунгов политических партий и иных акторов политического процесса, стремящихся наполнить текст своими собственными политическими установками, получить электоральную поддержку, доказав правильность и неоспоримость своей политической позиции (Степанова, 2024).

В данном случае можно говорить о том, что целью политического дискурса является не столько решение информативной задачи, сколько создание манипулятивного контента, который должен способствовать формированию у реципиентов стремления к совершению «политически правильных» действий, которые являются следствиями «правильной оценки политической ситуации» (Андреев, 2012). Таким образом, политический дискурс может исследоваться на стыке лингвистики, социальной психологии и политологии.

Именно опора на данный подход является основанием для дальнейшего исследования поднятой нами проблемы.

В работах (Карасик, 2002; Трибунская, 2022; Monroe, Schrodt, 2008; Dijk, Hacker, 2018) мы находим указание на то, что к системообразующим характеристикам политического дискурса относятся массовость, доминирование эмоциональности, использование средств манипулирования, опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа (медиатизация политики), театральность, динамичность языка политики, обусловленная актуальностью отражаемых событий и изменчивостью политической ситуации. При этом важнейшим атрибутом политического дискурса является его заведомая конфликтность, а принципы политического процесса выступают неотъемлемыми элементами политической речи (Michaels, 2013).

Одновременно существует фактор (один из нескольких), который побуждает исследователей к изучению политического дискурса, – стремление к тому, чтобы понять, каким образом острые конфликтные (кризисные) ситуации воздействуют на сознание участников политических процессов и на их речевую деятельность, через которую возможно проникнуть в глубинный смысл происходящего (Харламова, Барынкин, 2024; Чернышова, Черникова, 2024).

Выделение политического дискурса в отдельную область дискурсионной практики связано с той ролью, которую политика играет в современном обществе, и с объективным характером воздействия политических событий на жизнь каждого индивидуума, каждой языковой личности.

При этом, как указано в работе З. Х. Шамирзаевой (2020), политические процессы конца XX – начала XXI века создали условия для превращения языка политики в важную часть общественно-политической коммуникации, при том, что различные аспекты политической деятельности ведут к изменению современной языковой картины мира.

Таким образом, неоспоримым является то, что политика – это коммуникативное явление и по своей сути речевая деятельность, в которой речь используется для информирования о политических проблемах и для убеждения в необходимости принять участие в действиях, которые требуются для того, чтобы обозначенные проблемы были решены.

Соответственно, политический дискурс, по нашему мнению, может быть определен как совокупность речевых актов (устных либо письменных), отраженных в текстах политического содержания, обладающих определенными признаками (конфликтность, манипулятивность и т. д.) и отражающих взгляды на ситуацию отдельных представителей политического процесса, стремящихся к достижению определенного результата (победы в выборной борьбе, снижения градуса политической напряженности, обострения политической ситуации и т. д.).

Таким образом, язык, который обретает свое текстуальное воплощение, является основанием для изучения политики и политической ситуации в той или иной стране. Как указывают ученые (Michaels, 2013), политический кризис может принимать острые формы, когда политический процесс выходит из-под контроля, что ведет к его малой управляемости, влечет за собой выход на политическую арену сил деструктивной, экстремистской направленности, что в итоге выливается в силовое противостояние.

Именно такая ситуация острого политического кризиса характеризовала события, связанные с проникновением представителей народа на территорию Конгресса США 6 января 2021 года (в ходе волнений, связанных с весьма спорными результатами выборов президента США) и 18 октября 2023 года (когда в Конгресс США вошли сторонники Палестины в палестино-израильском конфликте). Эти события нашли свое отражение

в прессе, что является поводом для рассмотрения кризисных ситуаций, связанных со «штурмами» американского Конгресса, через язык политических статей и политических комментариев, иллюстрирующих восприятие данных событий в ФРГ, стране, являющейся одним из главных союзников США. Данный анализ позволит сформулировать выводы относительно тех политических процессов, которые характеризуют подоплеку двусторонних отношений между США и Германией.

**Политолого-лингвистический анализ политического события «штурм Капитолия»
в дискурсионных практиках политических текстов немецких СМИ**

Если обратиться к Немецкому универсальному словарю, то в нем находим следующее определение понятия «конфликт»: *durch das Aufeinanderprallen widerstreitender Auffassungen, Interessen o. Ä. entstandene schwierige Situation, die zum Zerwürfnis führen kann* (Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 2003) – «столкновение противоречивых мнений, интересов и т. д.; сложившаяся сложная ситуация, которая может привести к отсутствию согласия» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – И. С.).

Именно содержание конфликтной ситуации определяет тот факт, что при рассмотрении проникновения (штурма) на территорию американского Конгресса лиц, не согласных с результатами президентских выборов в США в 2021 году, немецкая пресса обращалась к сильной лексической единице (штурм).

В связи с этим обратим внимание на то, что концепт STURM ассоциируется в немецком языке с активным, неуправляемым действием (Sturm – штурм, шторм, буря). Именно фактор спонтанности и неуправляемости, являющийся ведущим в событиях, связанных с проникновением людей в Капитолий, позволил немецким СМИ использовать лексику “Sturm”.

Обратим внимание на то, что в истории США имело место три «штурма» Капитолия, освещались они в прессе по-разному. Первый «штурм» Капитолия произошел в 1814 году, что стало следствием англо-американской войны и захвата Вашингтона. Немецкая пресса весьма информативно описывает данное событие, как давнюю историю, не имеющую для Германии сколь-нибудь существенного значения ни в историческом плане, ни с точки зрения возможностей проведения аналогий с текущей политической ситуацией.

При этом немецкая пресса, говоря о событиях 1814 года, не использует лексической единицы «штурм» для описания происходящего: “1814 wird Washington erobert, seine Regierungsgebäude werden niedergebrannt” (USA erklären Großbritannien..., 2018). / «В 1814 году Вашингтон был захвачен, а его правительственные здания сожжены».

В данном случае речь идет о том, что после захвата Вашингтона правительственные здания были сожжены, и отдельно не упоминается о каком-либо штурме здания американского Конгресса.

Аналогичное описание событий находим и в статье, в которой сказано: “Im August 1814 brannten britische Truppen Washington nieder, bevor die amerikanischen Siege bei Baltimore und Plattsburgh im September die Kämpfe im Norden beendeten” (Seewald, 2021). / «В августе 1814 года британские войска сожгли Вашингтон дотла, прежде чем американские победы в Балтиморе и Платтсбурге в сентябре положили конец боевым действиям на Севере».

Данное событие могло бы стать неким прообразом событий 6 января года, когда сторонники Дональда Трампа на несанкционированном митинге выражали свое отношение к результатам уже прошедших президентских выборов, что в результате вылилось в резкое обострение ситуации – сторонники Трампа «захватили здание Конгресса». В данной несанкционированной политической акции просматривалась некая аналогия с событиями 1814 года. Однако немецкая пресса таких исторических аналогий не просматривает, понимая, что если в первом случае речь идет о внешней экспансии, то во втором – проблемы возникли на фоне внутриамериканского политического кризиса, к которому зарубежные страны никакого отношения не имеют. Именно поэтому для описания последних событий немецкие СМИ используют такие обороты речи, как “ein Ereignis, das keine Präzedenzfälle hat”; “ein Ereignis, das mit nichts zu vergleichen ist”; “ein Ereignis, das in der amerikanischen Geschichte keine Entsprechung hatte” – «событие, не имеющее прецедентов»; «событие, которое нельзя ни с чем сравнить»; «событие, не имевшее аналогов в американской истории», указывая на то, что ничего подобного в истории США ранее не происходило, что данное событие не имеет прецедентов.

В то же время использование лексики «штурм» в отношении этих событий является вполне оправданным, поскольку в результате таких действий погибли пять человек, включая полицейского, а жизни и здоровью конгрессменов, находящихся в здании Капитолия, угрожала реальная опасность.

Данное событие вышло на первые полосы мировой прессы, а его оценки весьма различались в зависимости от географического региона, имели разную направленность, как в поддержку Трампа и его приверженцев и однопартийцев, так и в поддержку демократов.

Однако в Германии политическое событие «штурм Капитолия» воспринималось однозначно негативно (“Krise der Demokratie”, “Ende der Rechtsstaatlichkeit”, “Triumph der Gesetzlosigkeit” – «Кризис демократии», «Конец верховенства закона», «Триумф беззакония»), рассматривалось германскими политиками как прямой вызов демократии, о чем свидетельствует лексика, несущая в себе негативную коннотацию, семантика которой связана с концом американских политических устоев, традиционно стоящих на принципе верховенства права.

В этой связи обратим внимание, что после «штурма» Капитолия в Вашингтоне федеральный министр иностранных дел Хайко Маас предложил США более тесное сотрудничество в борьбе за демократию, указав на то, что Германия готова работать с США над общим планом Маршалла для восстановления демократии (“Wir sind bereit, mit den Vereinigten Staaten an einem gemeinsamen Marshallplan für Demokratie zu arbeiten” (Nach Sturm aufs Capitol..., 2021). / «Мы готовы работать с Соединенными Штатами над совместным планом Маршалла для укрепления демократии»), отметив следующее: “Wir dürfen den Feinden der liberalen Demokratie keinen Raum geben. Das gilt nicht nur für die USA, sondern auch hier in Deutschland und Europa”. /

«Мы не должны давать врагам либеральной демократии возможности действовать. Это касается не только США, но и здесь, в Германии и Европе».

В свою очередь, оценки данного события немецкими журналистами также имеют драматический подтекст.

Приведем пример типичного высказывания немецкой прессы по поводу событий 6 января 2021 года, в котором мы находим лексические средства манифестации конфликта:

“Ein enthemmter Mob, bewaffnet und mit rechtsextremen Symbolen orniert, bricht ins Parlament ein, in dem gerade Abgeordnete den künftigen Präsidenten Joe Biden für sein Amt legitimieren – Szenen aus dem Kapitol in der US-Hauptstadt Washington, die zeigen, wie tief die Demokratie in Amerika in die Krise gesunken ist” (Steinlein, 2021). / «Несдерживаемая толпа, вооруженная и украшенная правоэкстремистской символикой, врывается в парламент, когда парламентарии легитимизируют будущего президента Джо Байдена на посту президента, – сцены из Капитолия в столице США Вашингтоне, которые показывают, насколько глубоко американская демократия погружается в кризис».

С помощью лексических единиц манифестации конфликта, которые так характеризуют лиц, вошедших в здание Капитолия: «несдерживаемая толпа», «врывается в парламент», «правоэкстремистская символика», – данному событию придается явный криминальный оттенок, который лишь усиливается противопоставлением с мирными и законными действиями американских законодателей. В результате агрессии одних и мирного поведения других возникает эффект восприятия произошедшего как кризисной ситуации, покушающейся на основы американской государственности.

Также, как видно из этого примера, немецкие СМИ при описании данного политического события используют тактику инвектива, активно транслируя образ США – аутсайдера, не способного решить проблемы у себя в стране: “katastrophales Versagen” (катастрофический провал), “ein komplettes Scheitern” (полный провал), “bittere Niederlage” (горькое поражение), “schweres politisches Debakel” (серьезное политическое фиаско).

При этом отмечался глобальный, катастрофический характер событий 6 января 2021 года для всего мира: “Die USA sind für den meisten Teil und die meisten Völker der Welt eine absolute Katastrophe” (Steinlein, 2021). / «США – абсолютная катастрофа для большинства и большинства народов мира».

Данная реакция прессы отражает лингвопрагматику конфликта за счет использования прагматического потенциала языковых единиц, раскрывая содержательную сторону классической конфликтной риторики.

Однако, как показала последующая история, реакция прессы, несомненно, была весьма преувеличенной с точки зрения реального трагизма событий в Капитолии. На самом деле мир относительно спокойно пережил данное событие, однако оно показало всю уязвимость либерально-демократического устройства общества, которое не может гарантировать ни честных выборов, ни эффективной защиты их результатов, что приводит к проявлениям популизма и экстремизма, выражающегося в физическом насилии и посягательстве на национальные символы, олицетворяющие политическую природу «демократической» Америки.

В то же время, по нашему мнению, острая реакция немецкой прессы на события в Капитолии 6 января 2021 года имеет под собой и субъективную подоплеку. Известно, что в Европе личность Д. Трампа оценивается неоднозначно, существует мнение о том, что своими действиями этот политик способен разрушить НАТО, привести Европу в состояние упадка. Данное отношение, несомненно, находит свое отражение в тех характеристиках, которые дают Трампу немецкие СМИ.

Сегодня в Германии события января 2021 года оцениваются уже не так однозначно, звучат версии относительно того, что за данными событиями стоит ФБР, ставящее своей целью окончательно решить проблему участия Трампа в политической жизни США: “Obwohl bis heute keinerlei Beweise für Trumps Behauptung vorliegen, die Wahl sei ihm gestohlen worden, kursieren unverändert die wildesten Verschwörungstheorien rund um den Sturm auf das US-Kapitol. So ergab eine aktuelle Umfrage der Washington Post, dass ein Viertel aller Amerikaner glaubt, dass die Bundespolizei FBI die Randalie angezettelt hat. Unter Republikanern sind es sogar 35 Prozent” (Hesse, 2024). / «Хотя на сегодняшний день нет никаких доказательств, подтверждающих утверждение Трампа о том, что выборы были украдены у него, самые дикие теории заговора вокруг “штурма” Капитолия США продолжают циркулировать. Недавний опрос Washington Post показал, что четверть всех американцев считают, что беспорядки спровоцировало ФБР. Среди республиканцев так считает даже 35%».

Как видно, автор данного текста применяет средства – маркеры, являющиеся семантически и эмоционально нейтральными, заменяя, в частности, лексику «штурм» на лексику «беспорядки».

Данная ситуация демонстрирует тот факт, что политическое сознание имеет тенденцию к «снижению степени напряженности», имея в виду, что те события, которые на данный момент времени воспринимаются и переживаются как «острый политический кризис», как «угроза», «трагедия», через какой-то промежуток времени перестают быть такими трагичными и угрожающими и уже осмысливаются на новом уровне политического анализа. При этом следует также сказать и о том, что язык прессы всегда склонен к гиперболизации, это является важной особенностью современных СМИ, стремящихся за счет ярких заголовков политического содержания, используя эффект «клипового восприятия действительности», привлечь внимание к тексту, заставить по крайней мере ознакомиться с его содержанием.

Рассматривая далее проблемы «острых политических кризисов», которые нашли свой «выход» в проникновении группы людей в помещение американского Конгресса, обратимся к последнему «штурму», который произошел 18 октября 2023 года на фоне обострившегося палестино-израильского конфликта. Данное событие несравнимо по уровню внимания прессы к событиям 6 января, однако и октябрьский протест 2023 года все же освещался немецкими СМИ.

В этот день, 18 октября 2023 года: “Hunderte Protestierende, die ein Ende des Israel-Gaza-Kriegs fordern, sind am Mittwoch in Teile des US-Kapitols eingedrungen. Dort kam es zu Zusammenstößen mit Sicherheitskräften” (Meiritz, 2023). / «Сотни протестующих, требующих прекращения войны между Израилем и сектором Газа, ворвались в некоторые помещения Капитолия США, где произошли столкновения с силовиками».

Данное сообщение имеет нейтральный характер и не имеет оценочной коннотации, за исключением указания на противоправные действия протестующих: “Demonstranten sind trotz Warnungen der Capitol-Polizei in Teile des US-Kongresses eingedrungen” (Meiritz, 2023). / «Демонстранты ворвались в помещения Конгресса США, несмотря на предупреждения полиции Капитолия». Как видно, в данном тексте не используется лексема “Sturm” (штурм), однако указание на то, что демонстранты «ворвались» в помещение Конгресса, все же имеет весьма близкую семантическую окраску по отношению к неким активным штурмовым действиям.

При этом в данном тексте имеется отсылка к событиям предыдущего «штурма»: “Der Vorfall auf dem Capitol Hill ist nicht mit den Ausschreitungen vom 6. Januar vergleichbar. Dennoch sind die Proteste der erste größere Vorfall dieser Art im Kongress seit den Ausschreitungen am Ende der Trump-Präsidentschaft. Die rechtskonservative Abgeordnete Marjorie Taylor Greene verglich die Proteste mit einem „Aufstand“. Sie erklärte in den sozialen Netzwerken, dass Kongressmitglieder „angegriffen wurden“, wofür es nach jetzigem Stand aber keine Belege gibt” (Meiritz, 2023). / «Инцидент на Капитолийском холме несравним с беспорядками 6 января. Тем не менее протесты являются первым крупным инцидентом такого рода в Конгрессе после беспорядков в конце президентства Трампа. Депутат от правого консервативного крыла Марджори Тейлор Грин сравнила протесты с “восстанием”. В соцсетях она заявила, что на членов Конгресса “напали”, однако доказательств этому на данный момент нет».

Безоценочный подход мы встречаем и в статье “Waffenstillstand in Nahost gefordert: Hunderte Demonstranten dringen ins US-Kapitol ein – Festnahmen” («Призыв к прекращению огня на Ближнем Востоке: сотни демонстрантов ворвались в Капитолий США – аресты»). Автор данной статьи описывает хронологию событий, указывая на следующее: “Mehrere Hundert Demonstranten sind am Mittwochnachmittag (Ortszeit) in ein Gebäude des US-Kongresses geströmt und haben einen Waffenstillstand im Israel-Gaza-Konflikt gefordert” (Krause, 2023). / «Несколько сотен демонстрантов устремились к зданию Конгресса США в среду днем (по местному времени) и призвали к прекращению огня в конфликте между Израилем и сектором Газа».

В данном случае автор не стремится к тому, чтобы драматизировать события, не использует сильных лексем «штурм», «ворвались», но лишь говорит о том, что демонстранты «устремились» к зданию Капитолия, в результате чего текст приобретает нейтральную семантическую окраску. Этой же цели способствует нейтральная лексика текста: “Bevor einige Demonstranten die Rotunde des Cannon House Office Buildings – dem ältesten Bürogebäude des Kongresses – besetzten, seien sie über die National Mall gezogen” (Krause, 2023). / «Прежде чем некоторые демонстранты заняли ротонду офисного здания Кэннон Хаус – старейшего офисного здания Конгресса, – они прошли маршем по Национальной аллее», – в котором речь идет о том, что демонстранты не штурмовали, не захватывали помещения Капитолия, но лишь заняли их.

Как представляется, немецкая пресса весьма гибко реагирует на общественное мнение: “Bei Instagram (*) gebe es zum Hashtag „FreePalestine“ 5,6 Millionen Beiträge. Beim Hashtag „IsraelUnderAttack“ gebe es hingegen lediglich 132.000 Beiträge, beim Hashtag „FreeIsrael“ 22.300 Beiträge” (Mayer-Rüth, Siggelkow, 2023). / «В Instagram (*) 5,6 миллиона постов с хэштегом “Свободная Палестина”, с другой стороны, всего 132 000 постов с хэштегом “Израиль под ударом” и 22 300 постов с хэштегом “Свободный Израиль”»; “Beiträge und Videos mit dem Hashtag „FreePalestine“ wurden 23,1 Milliarden mal gesehen. Wenn man Hashtags mit Rechtschreibfehlern wie „FreePalestin“ oder mit Flaggen-Emoji dazurechne, käme man auf etwa 29 Milliarden Aufrufe mit pro-palästinensischen Inhalten. Pro-israelische Inhalte hätten „bei gleicher Rechenart inklusive Varianten etwa 211 Millionen Aufrufe“” (Mayer-Rüth, Siggelkow, 2023). / «Посты и видео с хэштегом “Свободная Палестина” были просмотрены 23,1 миллиарда раз. Если вы включите хэштеги с ошибками в написании, например “FreePalestin”, или с эмодзи в виде флага, вы получите около 29 миллиардов просмотров пропалестинского контента. Произраильский контент будет иметь “около 211 миллионов просмотров при использовании одного и того же метода расчета”».

При этом часть немецкой прессы относится к палестинской проблеме с пониманием реальной ситуации в регионе, а также осознавая сложности, связанные с решением палестинской проблемы, обращая внимание на следующее: “Es ist schwer vorstellbar, dass das Palästinenserproblem, der Kern der Nahostfrage, für immer ohne Lösung bleiben sollte. Und doch ist seit dem Erwachen des palästinensischen Nationalbewusstseins bis zum heutigen Tage schon mehr als ein halbes Jahrhundert verflossen, ohne dass eine solche Lösung gefunden wurde – mit der Folge, dass der Weltfriede seitdem durch eine Reihe von Kriegen, durch andauerndes Blutvergießen und politische Krisen bedroht” (Shilbayih, 1980). / «Трудно представить, что палестинская проблема, суть ближневосточного вопроса, навсегда останется без решения. И все же с момента пробуждения палестинского национального сознания до наших дней прошло более полувека, а такое решение не было найдено – в результате чего мир во всем мире с тех пор находится под угрозой из-за серии войн, постоянного кровопролития и политических кризисов».

В статье П. Готтштейна мы также находим следующие мысли: “Die Kompromissbereitschaft Israels hinsichtlich der palästinensischen Forderungen... wurde auf ein Minimum reduziert. Die durch das Ende des Kalten Krieges gebotene Chance zur Lösung des Nahostkonflikts wurde verpasst. Konflikt zwischen Israel und den Palästinensern droht... behindern die Entwicklung des Nahen Ostens für lange Zeit” (Gottstein, 1991). / «Готовность Израиля пойти на компромисс по требованиям палестинцев... сведена к минимуму. Возможность, которую предоставило окончание холодной войны для разрешения ближневосточного конфликта, была упущена. Конфликт между Израилем и палестинцами грозит... надолго помешать развитию Ближнего Востока».

Как видим, отношение к палестинской проблеме в немецкой прессе исходит из активной необходимости поиска решения, связанного с данной проблематикой; имеется понимание того, что данный конфликт несет в себе угрозу для всего мира, при этом готовность Израиля к компромиссу оценивается весьма скептически.

При этом обратим внимание на тот факт, что по вполне понятным причинам немецкая пресса не может позволить себе активной критики еврейского государства. Поэтому мы слышим весьма сдержанный критический анализ и стремление к нейтральности в освещении фактов, в том числе и в статьях, касающихся очередного «штурма» Капитолия.

Таким образом, мы видим различия в том, каким образом немецкие СМИ отражают события, в основе которых лежит в принципе одно и то же событие – «штурм» Капитолия, имеющий различные причины, различную динамику и различный уровень напряженности.

Данная ситуация является прямым отражением прагматики СМИ, способных рассказать о политических событиях одного порядка различным языком, создав различные предпосылки для общественного восприятия схожих по своим проявлениям политических событий.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать выводы о том, что три «штурма» Капитолия, которые происходили в истории США (в том числе и новейшей истории), имели под собой различные основания, однако в любом случае были объединены некоей ситуацией, которая несет в себе признаки «кризиса».

Безусловный интерес для политического анализа представляют два последних (6 января 2021 года, 18 октября 2023 года) «штурма», которые нашли отражение в немецких СМИ, при том, что сама тональность языка, описывающего данные события, различная. События, происходившие 6 января 2021 года, описываются в контексте угроз демократии, что достигается с употреблением лексики, имеющей трагическую семантическую окраску, при использовании приемов противопоставления законных действий одной стороны конфликта и экстремистской направленности действий другой стороны.

При этом позиция немецких СМИ по отношению к демонстрантам и их лидеру Д. Трампу является однозначно негативной и критической, о чем свидетельствует использование конфликтной лексики, лексических единиц, отражающих манифестацию и лингвопрагматику конфликта, а также тактику инвектива.

В то же время по прошествии определенного времени немецкие СМИ стараются глубже осмыслить данные политические процессы, и в настоящее время воздерживаются от однозначных оценок, используя семантически и эмоционально нейтральную лексику для описания прошедших событий.

При этом современный политический дискурс, соответствующим образом репрезентированный языком немецких СМИ, является весьма прагматичным в том плане, что немецкие интернет-издания не стремятся к тому, чтобы накалить политическую ситуацию, обострить проблемы внутренней политики. В данном случае примером могут служить комментарии немецкой прессы по вопросам палестино-израильского конфликта и очередного «штурма» Капитолия, которые описывают происходящее в весьма сдержанных тонах.

Таким образом, мы можем говорить о том, что немецкий политический дискурс СМИ является языковым отражением политических событий, реакцией на острые политические конфликты, а также следствием внутренней политической повестки, определяющей тональность и рамки деятельности интернет-СМИ, способных к самоцензуре.

Данная проблема, а именно проблема самоцензуры в немецких СМИ и способы ее языковой репрезентации, представляется весьма важной, поскольку вносит новое видение в разграничение проблем «цензуры», «самоцензуры» и «пропаганды». Именно на исследование в описанном ключе будет направлена дальнейшая работа по изучению проблем политического дискурса и политической коммуникации.

Примечание: (*) – признана в России экстремистской организацией и запрещена.

Источники | References

1. Андреев Н. И. Дискурс политических партий Германии в синхронии и диахронии. М.: Наука-М, 2012.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
5. Большаков А. Г., Храмова Е. В. Политическая коммуникация в период международных бифуркаций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3.
6. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011.
7. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
8. Забело Т. В. Лингвистическая специфика политического дискурса: дисс. ... к. филол. н. М., 2012.
9. Иванов П. К., Катышев П. А. Идеологема в политической коммуникации: интерперсональный аспект // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. № 2.

10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002.
11. Катермина В. В. Политическая неонминация в массмедийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4.
12. Левин Ю. И. Русская метафора: семантика, синтаксис, трансформация. Тарту: Тартуский государственный университет, 1969.
13. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ГНОЗИС, 2003.
14. Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга, 2001.
15. Степанова Е. В. Манипулятивный потенциал вербальных репрезентаций в американском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1.
16. Тарасов М. И. Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения. М.: Юрайт, 2024.
17. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
18. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
19. Трибунская Н. А. Процесс взаимодействия дискурсов в политической коммуникации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 3.
20. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / пер. с англ.; под ред. А. А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004.
21. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Афористическое отражение концептов власть и политик в региональных СМИ (на материале татарского и марийского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1.
22. Харламова Е. М., Барынкин А. В. Волынская резня в политическом дискурсе современной Польши // Клио. 2024. № 1.
23. Чернышова Л. А., Черникова Е. О. Языковые особенности общественно-политического дискурса: на примере сопоставления политических речей британских и американских политиков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1.
24. Чивви Е. Н., Терещенко О. В. Проблемы политической коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. № 4.
25. Шамирзаева З. Х. Язык современной политики // Экономика и социум. 2020. № 1.
26. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
27. Dijk T. van, Hacker K. L. Internet and Democracy in the Network Society. N. Y.: Routledge, 2018.
28. Michaels J. The Discourse Trap and the US Military. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
29. Monroe B., Schrodt P. Introduction to the Special Issue: The Statistical Analysis of Political Text // Political Analysis. 2008. Vol. 16 (4).

Информация об авторах | Author information

RU**Соболев Игорь Дмитриевич**¹, к. филол. н.**Юдин Никита Олегович**², к. полит. н.^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации**EN****Igor Dmitrievich Sobolev**¹, PhD**Nikita Olegovich Yudin**², PhD¹ MGIMO University² MGIMO University, Moscow¹ i.d.sobolev@my.mgimo.ru, ² n.yudin@inno.mgimo.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.11.2024; опубликовано online (published online): 28.12.2024.

Ключевые слова (keywords): политолого-лингвистический анализ; событие «штурм Капитолия»; немецкие интернет-СМИ; конфликтогенная лексика; конфликтный политический дискурс; political and linguistic analysis; event “storming the Capitol”; German online media; conflict-generating vocabulary; conflict political discourse.